

Народная газ. — Ульяновск. — 2003. — 16 сент. — с. 7

Сергей МАКОВЕЦКИЙ:

ХОТЕЛ СОВРАТЬ

С первых секунд встречи с ульяновским зрителем народный артист России Сергей Маковецкий сожалел о том, что мы не знаем его как театрального актера. И тем не менее сразу же предложил посмотреть фильм с его участием — не «Ключ от спальни», нет, 20-минутную ленту Александра Велединского «Ты да я, да мы с тобой». «Я хочу показать ее вам из эгоистических побуждений», — пояснил артист. — Потому что этот фильм никто никогда не видел и не увидит, кроме тех, кто бывает на кинофестивалях. А мне эта роль дорога, она расскажет обо мне лучше, чем я сам, ведь актер — этот тот, кто здесь (показывает на экран. — Авт.), а тут мы врем и недоговариваем...».

Ты да я

Сюжет фильма, заработавшего пять международных наград (в том числе главный приз «Киношока»), незамысловат: два брата работают на железной дороге, обслуживают определенный участок пути. Выпивают, слушают (не смотрят, а именно слушают, потому что кинескоп, похоже, сломан) телевизор, где-то за кадром живет обходчица Ковалева, к которой герой Маковецкого относится понятным образом, а герой Владимира Стеклова решает на ней жениться, а рядом — тихий и незаметный пес. Верный, как и все они. Вот он-то и переворачивает все в отношениях братьев, потому что за 15 суток (15 суток за хулиганство: братья выложили вдоль линии кирпичную надпись «Попутного ветра в жо...», а чтобы понятнее было, один из них приспустил брюки) отсутствия хозяина пес со своей тоской доводит героя Маковецкого до такого состояния, что тот прибывает его разводным ключом...

— Мне очень понравилось, как вы смотрели этот фильм, — поднялся Маковецкий с места, — как смеялись и как разом затихли в тот момент, когда я убиваю пса. Он, конечно, не пострадал, я потребовал, чтобы его рядом не было и чтобы я его не видел. А он оказался прекрасным партнером и словно что-то почувствовал в той сцене у порога — прижался ко мне всем телом... Самым сложным для меня было сыграть так, чтобы поступок был оправдан. Кстати, продюсеры возмущались, что наша беготня так и кончается ничем, требовали, чтобы было наказание, чтобы один брат убил другого. Но это была бы обыкновенная чернуха, а в этой беготне и заключается вся наша жизнь, и история получается про всех — и про меня тоже.

— Почему этот фильм никто не увидит?

— Потому что сейчас и длинный метр в прокате идет с трудом, а короткий — тем более, его и не пытаются никто продать в прокат, и судьба коротких метров — кочевать по фестивалям. Говорят, что у нас что-то случилось с кино — гибель или возрождение, на самом деле все так, как и было. Просто раньше фильмов снимали больше, а сейчас — меньше. Сегодня сложно снимать кино — а про что? Поэтому сейчас снимают про бандитов: они рядышком, мы с ними знакомы. Почему наше кино не смотрят? А это от вас зависит. Почему вы на российское кино не ходите? Я хожу.

Чехов по-американски

— А зарубежное кино вы смотрите?

— Смотрю.

— Есть для вас что-то интересное?

— ...Ха! Сказал: «Смотрю» и попался в сеть. Хотел соврать и назвать последние шумные фильмы, но последнее, что я смотрел (скорее всего, очень давно), — это «Красота по-американски». Мне очень понравилось: в фильме был абсолютно чеховский финал. И когда я узнал, что режиссер — бывший театральный режиссер, стал им интересоваться и в Интернете нашел, что он действительно ставил Чехова. В этом фильме он убирает героя, как это делает Чехов в «Черном монахе», помните смерть Коврина? «Ты гений, но слабая человеческая оболочка не может быть вместилищем для гения». Как только он, мужчина, переживший кризис среднего возраста (что иногда случается с нами и происходит болезненно, и чтобы мы справились, вы должны нам помочь, милые женщины...), как только он понял и пережил то, что такое он и что такое его семья, режиссер делает, как в «Черном монахе». Я даже вздрогнул, когда это увидел: нет ни лица, ни человека, только дуло пистолета. И почему такое название — «Красота по-американски»? Автор обрывает жизнь героя не в момент отчаяния, а в момент улыбки, значит, всплеск — туда, вверх — пойдет не горя, не крика, а чего-то светлого.

72 метра

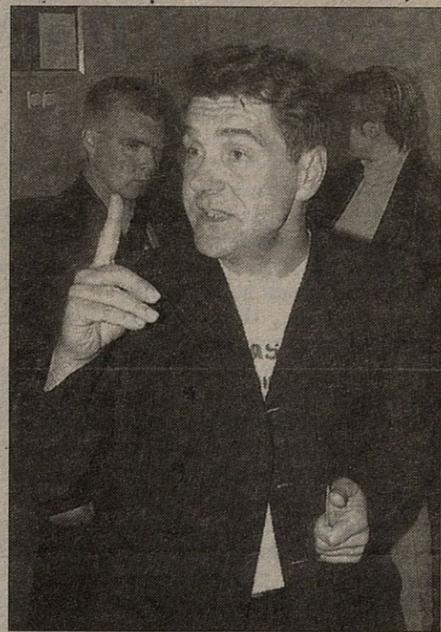
— Где вы сейчас снимаетесь?

— Сейчас я снимаюсь в камерной картине Константина Худякова для канала НТВ. Играю режиссера, который ставит «Вишневый сад». Фильм несколько завязан с «Норд-Остом», в нем есть любовь и измена. Выйдет он в 20-х числах октября. А сейчас я жду выхода новой ленты «72 метра». Жду как никакого, наверное, потому что сам общался с ребятами, которые работают на подлодках, видел, какие они — североморцы — несмотря ни на что. Картина получилась такой, какую мы давно ждали. Ждали, может быть, не отдавая себе отчета. В ней есть нормальные слова о чести, о служении Отечеству, причем я никогда никого к этому не призываю. Я думаю, что там сложилась хорошая команда. Конечно, будут ассоциации с гибелью «Курска» — опять август, опять подлодка, опять нужно что-то решать. Хотя это вовсе не история «Курска», и подлодка не атомная — люди просто ехали на консервной банке, перевозили вещи на новое место жительства, оказались в холоде и кромешной темноте... Мы хотели отправить этот фильм на венецианский фестиваль, но не успели с перезаписью.

Рязанов и «Спальня»

— Я рад и волнуюсь, что здесь у вас впервые — и с премьерой. Это последняя картина Эльдара Рязанова, которая вышла на экран. Хотя нет, слово «последняя» вообще нельзя говорить... Одна из... или как правильно?... Крайняя?... Нет, крайняя — это в очереди... Когда Эльдар мне позвонил, я согласился сразу же, потому что отказаться сниматься у такого режиссера очень глупо. Всегда хотел с ним работать, но мы никогда не встречались. Очень люблю играть водевили — я с этого начинал, это мой жанр. Это потом из меня сделали неврастеника.

В этой картине Рязанов в зрелые свои годы решил пошутить, поэтому прошу вас, не относитесь серьезно к тому, что увидите: это комедия положений. Я в ней являлся человеком, который «развинчивает» ситуацию. Об

этой картине уже написано много: кто-то считает, что это очень хорошо, кто-то — что это не Рязанов. Мне кажется, что в 75 лет уметь хулиганить, думать о легком, о будуарах, о серебряном веке — дай бог каждому из нас! Сниматься было, конечно, сложно, поскольку все актеры опытные, все хотят быть лучше, смешнее, к тому же сегодня смешить людей невозможно. Эльдар Александрович снял пустячок с красивыми декорациями, красивыми актрисами, надеюсь, талантливыми актерами. Как я это разделил интересно... С талантливыми актрисами и актерами. Ничего от этого фильма не ждите, просто смотрите кино, которое сделано изящно и неплохо.

— Почему сейчас вдруг снята картина в жанре немого кино, как не снимают уже лет 80?

— Эльдар Александрович нашел такой стиль. А как еще передать ощущение изломанности, которая была свойственна той эпохе? Ведь время было отменное: поэзия Бальмонта, Северянина, Блока, Ахматовой, Пастернака — фантастическое время. Такое ощущение, что в воздухе были страсть, измены, дуэли, кокаин... Тогда появились первые эротические фотографии с дамами в этих самых... как они называются вот тут у вас (показывает на талию. — Авт.)? В красивых шляпках и корсетах, с оголенными попками. Женщины посещали салоны. Все это было модно. Рязанов с Немоляевым предложили язык немого кино, так же как раньше Балабанов предложил жанр якобы ожившей фотографии. Вопрос в том, как передать историю. Можно просто взять и рассказать словами: «жили-были дед и баба», самое же интересное — найти художественный язык этого произведения, поэтому якобы немое кино, чуть-чуть приподнятые отношения, резкие эмоции — это все, что составляет комедию положений.

О доблести, о подвиге...

«Не хочу уходить под стук собственных шагов», — завершил встречу со зрителем Маковецкий и прочел Блока: «Чтобы ввести вас в атмосферу Петербурга 14-го года». Прочел то самое: «О доблести, о подвиге, о славе». А выйдя из зала, сам стал задавать вопросы, «Ну как, вам понравился фильм?». Не комедия Рязанова, а тот, где ты да я, да мы с тобой. И не знаю, насколько он был искренен с нами, журналистами, но говорил обо всем много и горячо, о чем бы ни спросили — об армии, о политике и выборах, о судьбе поколений в России, о том, спасет ли мир красота, о прозе Виктора Пелевина и недавно «открытой» им Дине Рубиной. «На сцене для меня главное — то, что происходит между людьми, а как это сделано — все равно, хоть стоя на голове. Но если смысл только в стоянии на голове — я смотрю это ровно пять минут», — завершил встречу актер театра имени Вахтангова.

Анна ШКОЛЬНАЯ.
Фото Сергея ЕРШОВА.

Маковецкий Сергей
16.09.03.

